

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

К. А. Астахова
Челябинск, Россия

ТАКТИКА ОГРАНИЧЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ САНКЦИОНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ

АННОТАЦИЯ. Для современного политического обозревателя одним из основных источников информации о политических событиях выступает виртуальная политическая реальность, сформированная и транслируемая медиадискурсом. В аспекте манипулятивных медиатехнологий рассматривается политический медиадискурс, функционирующий в медийно-коммуникативной политической среде, связанный с введением санкций. Отмечается расширение семантического объема слова «санкция» в толковых и энциклопедических словарях. Тематика санкций рассматривается на примере материалов ведущих информагентств, радиостанций, телеканалов, интернет-ресурсов, политических журналов и газет, которые освещали общественно-политические события марта — апреля 2014 года. Были обозначены позиции различных стран по отношению к происходящему между Украиной и Россией. Некоторые страны, такие как США и Канада, имели оппозиционную точку зрения и обсуждали меры воздействия. Такими мерами стали санкции, введенные против России. Так как санкции являются мерой воздействия против стороны, нарушившей международные договоренности, процесс «выдвижения санкций» предполагает наличие оппозиционных сторон: государства, формирующего санкционный список, и государства, которому он адресован. Следовательно, изменение семантического поля слова «санкции» имеет дискурсивный характер: появление нового компонента «конфронтации» в ракурсе недавних политических событий. Описываются основные тактики медиатекстов (тактика ограничения, концептирования), выделяются концепты (угроза, попытка ультиматума, холодное оружие; взаимный ущерб, обоюдострая вещь; риск, нежелательная мера воздействия, карательная мера).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегия санкционирования; тактика ограничения; тактика концептирования; коммуникативный ход; политический дискурс; медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; СМИ; средства массовой информации; санкции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Астахова Ксения Александровна, ассистент кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарного педагогического университета; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: astahova_kseni@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

Информационный поток, с которым сталкивается современный обозреватель, является сложным многосегментным образованием. Каждый сегмент представлен своим типом медиатекста, репрезентация которого не заключена в рамки обыденного понимания текста, а выходит за границы вербального средства передачи информации, поскольку используется видеоряд, звук или изображение. Медиатекст рассматривается в рамках медиалингвистики, которая изучает проблемы функционирования языка в сфере массмедиа. По мнению Т. Г. Добросклонской, политический медиатекст является центральной единицей медиалингвистики. Она предлагает комплексный подход к анализу медиаречи, который позволяет «не только понять ее внешние особенности, но и раскрыть внутренние механизмы ее порождения, распространения, а также воздействия на массовую аудиторию» [Добросклонская 2014: 6].

Одним из механизмов воздействия на восприятие человеком информации могут являться коммуникативные стратегии, заложенные в основе медиатекста. О. С. Иссерс утверждает, что в медийном политическом дискурсе речевое планирование достигает уровня технологий. Стратегия имеет составляющие, а именно речевые тактики, кото-

рые, в свою очередь, представлены наименьшими единицами речевого воздействия — коммуникативными ходами. Стратегия направлена на воздействие, трансформацию мировосприятия адресата [Иссерс 2008: 109].

Наибольшей концентрацией манипулятивных медиатехнологий обладает политический медиадискурс, функционирующий в медийно-коммуникативной политической среде. Конкурирующие между собой способы интерпретаций событий в СМИ, использующие различные вербальные и невербальные средства воздействия, наполняют виртуальной политической продукцией медиaproстранство. Таким образом, для современного обозревателя одним из основных источников информации о политических событиях выступает виртуальная политическая реальность, сформированная и транслируемая медиадискурсом. О. Ф. Русакова и Е. Г. Грибобод считают, что «сконструированная медиадискурсом виртуальная картина политической реальности представляет собой политическую медиареальность, которая включена в символическое поле политики и оказывает существенное воздействие на политическое сознание граждан». Они так же отмечают, что «транслируемая СМИ политическая медиареальность нередко ока-

зывается для граждан более интересной и привлекательной, чем реальность эмпирического политического опыта» [Русакова 2014: 66].

Всеобъемлющее воздействие со стороны средств массовой информации, выдающих его в виде коммуникативных стратегий и тактик, возрастает с нарастающим объемом информации в целом. В основе стратегии взгляды и видение политической обстановки, необходимую трактовку которых одна сторона может навязывать другой. Данная мера воздействия манифестируется в речевом (или вербальном) и неречевом потоке в виде речевых тактик и коммуникативных ходов.

Основываясь на том факте, что предложение содержит не только прямое, но и имплицитное значение, которое адресат может по-своему интерпретировать, предложения в высказывании могут быть сгруппированы по принципу единства цели их имплицитных значений. Последовательность предложений, объединенных имплицитным значением, можно назвать стратегической. Чтобы понять, в чем заключается речевая стратегия «санкционирования», рассмотрим подробнее значение слова *санкция*. Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, слово *санкция* (от лат. *sanctio* — освящение) имеет несколько значений: *признание законности какого-нибудь явления, утверждение чего-нибудь высшей инстанцией (юр.); перен. одобрение (книжн); условие, обеспечивающее выполнение закона, договора (юр.) преим. мн.* [ТССРЯ, 2013]. В толковом словаре мы не находим значения слова «санкция» как меры воздействия. Семантика лексемы расширяется благодаря дискурсивной актуализации: так, в большом энциклопедическом словаре одно из первых значений слова «санкция» — «мера воздействия, важнейшее средство социального контроля. Санкции также рассматриваются как государственная мера, применяемая к нарушителю установленных норм и правил. Санкции могут быть частью правовой нормы, содержащей указание на меры государственного воздействия в отношении нарушителя данной нормы. В международном праве — санкции это меры воздействия, применяемые к государству при нарушении им своих международных обязательств или норм международного права» [БЭС 2004].

Проанализировав изменения семантических компонентов слова «санкция» в толковом и энциклопедическом словарях, мы заметили расширение семантического объема данного слова. Таким образом, коммуникативная стратегия санкционирования будет

иметь смысловой компонент урегулирования правовых норм каких-либо сторон. Цели имплицитных значений ряда предложений будут сведены к воздействию либо запрету. Адресант, используя речевую стратегию санкционирования, пытается направить интеллектуальные и эмоциональные процессы адресата таким образом, чтобы те в конечном счете привели его к нужному решению, умозаключению. Стратегия может быть выстроена рядом речевых тактик или ходов.

Основываясь на рейтинге самых влиятельных общественно-политических СМИ, мы выбрали ведущие информагентства, радиостанции, телеканалы, интернет-ресурсы, политические журналы и газеты, которые освещали общественно-политические события марта — апреля 2014 г. В марте 2014 г. состоялся референдум, в ходе которого было принято решение о вхождении Крыма в состав РФ. В ответ рядом стран были введены санкции против России. Медиапространство заполонила «санкционная» тема: по ней на сайте РИА «Новости» за указанный период опубликовано 1797 материалов, на сайте канала «Вести 24» — 579 статей, на интернет-ресурсе «Лента.ру» — 144 материала, в общественно-политическом журнале «Коммерсант Власть» — 11 статей, на интернет-ресурсе «Коммерсант.ру» — 461 материал, на радио «Эхо Москвы» — 127 передач в эфирном времени, 140 упоминаний в блогах.

Стратегия санкционирования широко представлена в материалах приведенных выше источников. Медiateксты разных типов содержали в себе информацию, указывающую на урегулирование правовых взаимоотношений сторон. Были обозначены позиции различных стран по отношению к происходящему между Украиной и Россией. Некоторые страны, такие как США и Канада, имели оппозиционную точку зрения и обсуждали меры воздействия. Такими мерами стали санкции, введенные против России. Поскольку, несомненно, к данной проблеме необходимо было вызвать большой интерес массового зрителя и читателя, увеличился информационный поток, содержащий различные трактовки происходящих политических событий.

Так как санкции являются мерой воздействия против стороны, нарушившей международные договоренности, процесс «выдвижения санкций» предполагает наличие оппозиционных сторон: государства, формирующего санкционный список, и государства, к которому он адресован. Следовательно, изменение семантического поля слова «санкции» имеет дискурсивный характер: появле-

ние нового компонента «конфронтации» в ракурсе недавних политических событий.

Н. Б. Руженцева отмечает, что «любая речевая тактика (в том числе и тактика автора политических текстов) имеет в своей основе ряд частных речевых приемов — узких, специализированных способов построения высказывания, в совокупности направленных на достижение заданной цели» [Руженцева 2004: 26]. Если речевую стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи, то речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Так, речевая тактика ограничения представлена коммуникативными ходами «позиционирования» и «чуждости». Коммуникативная категория позиционирования выражена через употребление ряда синонимичных лексем: «ограничение», «нестыковка», «блокирование», «конфронтация» и «зависимость»: *Что проявилось с необычайной яркостью на прошедшем саммите Россия-ЕС. Он стал каким-то финальным аккордом, завершающим симфонию нарастающей взаимной брезгливости, полной нестыковки российского и европейского мировоззрения по важнейшим вопросам того, что в этом мире можно сегодня делать, а что нет (Дмитрий Косырев, политический обозреватель РИА Новости)* [Евросоюз и украинская ошибка начальной ценой в 11 млрд евро // РИА «Новости», 2014.07.03]; *По словам немецкого министра, ЕС не желает конфронтации, но поведение российской стороны наводит на необходимость подготовить соответствующие меры* [ФРГ: ЕС может подготовить ряд мер против России на следующей неделе // РИА «Новости», 2014.11.03]. В роли маркеров «чуждости» отмечены лексические единицы, выражающие недоверие к оппоненту — «якобы» и «так называемый»: *27 февраля украинский парламент утвердил состав так называемого „правительства народного доверия“, премьером стал Арсений Яценюк* [Конгрессмены призвали Белый дом исключить РФ из G8 и ввести санкции // РИА «Новости», 2014.12.03].

Тактика ограничения реализована набором ходов, наиболее ярким из которых является использование политических метафор: «линия непонимания», «спираль санкций»: *Уже то, что дискуссия по двум разным докладом — о ситуации на Украине и по полномочиям российской делегации — де-факто вылилась только в обсуждение действий России, говорит о том, где проходит линия непонимания* [Бутрин Д. Пра-

вила игры // Коммерсант, 2014.14.04]. Последняя указывает на то, что список мер, призванный повлиять на действия РФ, постоянно пополняется, а сама ситуация имеет повторяющийся, циклический характер. Политическая метафора является одним из важных составляющих коммуникативной тактики благодаря своему прагматическому потенциалу: «...метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния» [Чудинов 2013: 23].

Еще одной немаловажной составляющей стратегии санкционирования является тактика концептирования. По словам Н. Н. Болдырева, «лексическая система концептуализации и категоризации по существу есть представление концептуальной системы человека в языке, то, что принято называть концептосферой языка или языковой картиной мира» [Болдырев 2013: 8]. Медийное концептирование — создание устойчивых концептов в медиапространстве, под воздействием той или иной трактовки политического события у адресата формируется определенный мыслительный образ. Проанализировав медиатексты, опубликованные за период марта — апреля 2014 г., мы выделили следующие концепты:

1) санкции — угроза / попытка ультиматума / холодное оружие: *Власти США могут расчехлить грозное „холодное“ оружие — применить санкции в отношении ряда российских банков по иранскому образцу* [Дайджест российских СМИ — 6 марта // РИА «Новости», 2014.06.03];

2) санкции — взаимный ущерб / обоюдострая вещь: *По словам вице-премьера, санкции — „вещь обоюдострая и влияют отрицательно как на одну сторону, так и на другую“* [Любые санкции несут риск для тех, кто их выдвигает, считает Дворкович // РИА «Новости», 2014.11.03];

3) санкции — риск / нежелательная мера воздействия / карательная мера: *Перечень карательных мер экономического характера должен быть разработан до конца недели, но еще до его введения может быть расширен санкционный список должностных лиц РФ* [Списки Запада станут восточными // Коммерсант, 2014.15.04].

Таким образом, благодаря использованию коммуникативных ходов «позиционирования» и «чуждости» в политическом медиадискурсе реализуются тактики ограничения и концептирования как составляющие стратегии санкционирования. Мы полагаем,

что данная стратегия используется для моделирования определенного отношения к действиям России на фоне общеполитической ситуации — данным действиям необходимо противостоять, дать отпор, они требуют урегулирования и подавления.

ИСТОЧНИКИ

1. Бутрин Д. Правила игры // Коммерсант. 2014. 14 апреля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2444291>.
2. Дайджест российских СМИ — 6 марта // РИА «Новости». 2014. 6 марта. URL: <https://ria.ru/society/20140306/998344987.html>.
3. Евросоюз и украинская ошибка начальной ценой в 11 млрд евро // РИА «Новости». 2014. 7 марта. URL: <https://ria.ru/analitics/20140307/998579644.html>.
4. Конгрессмены призвали Белый дом исключить РФ из G8 и ввести санкции // РИА «Новости». 2014. 12 марта. URL: <https://ria.ru/world/20140312/999083715.html>.
5. Любые санкции несут риск для тех, кто их выдвигает, считает Дворкович // РИА «Новости». 2014. 11 марта. URL: <https://ria.ru/economy/20140311/999029535.html>.
6. Списки Запада станут восточными // Коммерсант. 2014. 15 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2452766>

К. А. Astakhova
Chelyabinsk, Russia

RESTRICTION TACTICS AS A CONSTITUENT PART OF THE SANCTIONING STRATEGY IN RUSSIAN POLITICAL MEDIA TEXT

ABSTRACT. Contemporary political analysts resort to virtual political reality, made and transmitted by media discourse, as one of the main information sources to update people about political events. Political media discourse covering sanctions is analyzed from the point of view of manipulation media technologies. The semantic scope of the word “sanctions” becomes wider in explanatory dictionaries and encyclopedias. The essence of sanctions is studied on the basis of publications of the leading information agencies, radio stations, TV channels and Internet resources, political magazines and newspapers that covered socio-political events of March – April 2014. The views of different countries on what was going on between Ukraine and Russia are interpreted. Some countries, like the USA and Canada, were in opposition to Russia and they discussed the possible counteractions. As a result, sanctions against Russia were imposed. As sanctions are the measures against the country that violated international agreement, the process of “proposing sanctions” implies the existence of two opposing parties: the state that makes sanction list and the country that these sanctions are imposed against. Consequently, the changes in the semantic field of the word “sanctions” have discursive nature due to the appearance of a new component of “confrontation” in the light of the recent political events. The main tactics used in media texts are described (tactics of restriction and conception); the dominant concepts are singled out (threat, ultimatum, cold steel arms; mutual damage, double-edged object; risk, unfavorable measure, punishment).

KEYWORDS: sanctioning strategy; restriction tactics; concentration tactics; communicative means; political discourse; media discourse; media text; media linguistics; media; mass media; sanctions.

ABOUT THE AUTHOR: Astakhova Ksenia Alexandrovna, English Philology Department Assistant Lecturer, South-Urals State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

REFERENCES

1. Butrin D. Pravila igry // Kommersant. 2014. 14 aprelya. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2444291>.
2. Daydzhest rossiyskikh SMI — 6 marta // RIA «Novosti». 2014. 6 marta. URL: <https://ria.ru/society/20140306/998344987.html>.
3. Evrosoyuz i ukrainskaya oshibka nachal'noy tsenoy v 11 mlrd evro // RIA «Novosti». 2014. 7 marta. URL: <https://ria.ru/analitics/20140307/998579644.html>.
4. Kongressmeny prizvali Belyy dom isklyuchit' RF iz G8 i vvesti sanktsii // RIA «Novosti». 2014. 12 marta. URL: <https://ria.ru/world/20140312/999083715.html>.
5. Lyubye sanktsii nesut risk dlya tekhn, kto ikh vydvigaet, schitaet Dvorkovich // RIA «Novosti». 2014. 11 marta. URL: <https://ria.ru/economy/20140311/999029535.html>.
6. Spiski Zapada stanut vostochnymi // Kommersant. 2014. 15 aprelya. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2452766>
7. FRG: ES mozhet podgotovit' ryad mer protiv Rossii na sleduyushchey nedele // RIA «Novosti». 2014. 11 marta. URL: <https://ria.ru/world/20140311/998983601.html>.

7. ФРГ: ЕС может подготовить ряд мер против России на следующей неделе // РИА «Новости». 2014. 11 марта. URL: <https://ria.ru/world/20140311/998983601.html>.

ЛИТЕРАТУРА

8. Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1. С. 5—13.
9. Большой энциклопедический словарь. — Большая Российская энциклопедия, 2004. 1456 с.
10. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Современная английская медиаречь : моногр. — М. : Флинта, 2014. 264 с.
11. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : моногр. — М. : КомКнига, 2008. 288 с.
12. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. — Екатеринбург, 2004. 293 с.
13. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как компоненты политической коммуникативистики // Науч. ежегод. Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. 2014. Т. 14. № 4. С. 65—77.
14. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. — М. : Аделант, 2013. 800 с.
15. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. — Екатеринбург, 2013. 176 с.

8. Boldyrev N. N. Aktual'nye zadachi kognitivnoy lingvistiki na sovremennom etape // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2013. №1. S. 5—13.

9. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. — Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2004. 1456 s.

10. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI. Sovremennaya angliyskaya mediarech' : monogr. — M. : Flinta, 2014. 264 s.

11. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi : monogr. — M. : KomKniga, 2008. 288 s.

12. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. — Ekaterinburg, 2004. 293 s.

13. Rusakova O. F., Gribovod E. G. Politicheskiy mediadiskurs i mediatizatsiya politiki kak komponenty politicheskoy kommunikativistiki // Nauch. ezhegod. In-ta filosofii i prava Ural. otdeleniya Ros. akad. nauk. 2014. T. 14. № 4. S. 65—77.

14. Ushakov D. N. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. — M. : Adelant, 2013. 800 s.

15. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.